

Н.Ю. Лапина

**НЕ ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:
ФРАНЦУЗСКИЙ ОПЫТ**

Аннотация. Включение Франции в глобальную экономику произошло с опозданием, в открытой экономике ей не удалось занять лидерских позиций. Одним из последствий вступления в глобальную экономику стало разрушение индустриального потенциала страны. Глобализация не только трансформировала французскую экономику, она изменила социальный пейзаж: в обществе с 1980-х годов усиливается неравенство, нашедшее выражение в растущем разрыве между людьми, успешно включившимися в «глобальное соревнование», и теми, кто остался на периферии нового глобального мира. Растет социально-пространственная дифференциация между успешными территориями (глобальными городами) и периферией. Размывается средний класс, нижние страты которого люмпенизируются, а узкий верхний слой вливается в ряды привилегированных групп. Изменение социального статуса, утрата привычного образа жизни порождают социальный стресс, способствуют появлению новых конфликтов в обществе. К таким конфликтам относится движение «желтых жилетов», противопоставившее «две Франции» – успешную и периферийную.

Массовый протест, охвативший Францию в 2018–2019 гг., стал результатом деиндустриализации, разрушения промышленного потенциала, деградации пространства и жизненного фиаско миллионов французов. «Люди с периферии» долгое время молчали, терпели унижения, связанные с потерей хорошо оплачиваемой работы в промышленности и заменой ее негарантированной занятостью в сфере услуг. Это движение за человеческое достоинство, против социальной несправедливости и превращения французской провинции в гетто. Оно затрагивает жизненно важные проблемы французского общества, а следовательно, наивно было бы полагать, что социальный конфликт исчерпан.

Ключевые слова: глобализация; Франция; информационная экономика; деиндустриализация; пространственная дифференциация; средний класс; социальные движения протеста.

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва. E-mail: lapina@inion.ru

Web of Science Researcher ID: AAH-6521-2020;
Scopus Author ID: 36711863700

Lapina N. Yu. Not So Happy Globalization: French Experience

Abstract. *France's integration into the global economy was rather late, so the country was not able to become one of the leaders in open economy. As a consequence, the country's industrial potential in many ways suffered a visible destruction. Globalization has not only transformed the French economy, it also has changed the social landscape in the country. Since the 1980s, France has seen a steady increase in social inequality manifested in the sizeable «wealth gap» between those who have successfully joined the «global competition» and those who have remained on its periphery. There has been an increasing socio-spatial disparity between successful territories (global cities) and the periphery. The middle class is declining, its lower strata are lumpenized, while the narrow upper layer merges into the ranks of privileged groups. Changes in social status and the loss of a normal life routine increase the social stress and generate new conflicts in society, these including the «yellow vests» movement that confronted the «two Frances» – the successful and the peripheral ones.*

The mass protest that swept France in 2018–2019 was the result of deindustrialization, the destruction of industrial potential, the degradation of territories and the plight of millions of French people. «People from the periphery» have been silent for a long time, suffering humiliation that comes from the loss of well-paid work in industry and its replacement by unguaranteed employment in the services. It is a movement for human dignity, against social injustice and the transformation of the French province into a ghetto. It touches upon the vital problems of French society, and therefore it would be naive to believe that the French social conflict has exhausted itself.

Keywords: *globalization; France; information economy; de-industrialization; spatial differentiation; middle class; social protest movements.*

Lapina Natalia Yur'evna – Doctor of Political Sciences,
Principal Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: lapina_n@mail.ru.
Web of Science Researcher ID: AAH-6521-2020;
Scopus Author ID: 36711863700

В последние десятилетия в мире не утихают споры о том, является ли глобализация благом или злом. В 1980–1990-е годы многие французские политики и аналитики, окрыленные верой в прогресс, были убеждены, что глобализация¹ сделает мир более богатым и счастливым [Minc, 1997]. Высказывались и противоположные суждения. О «несчастливой глобализации» писал

1. Во французском языке вместо английского «глобализация» (globalization) используется термин «мондиализация» (mondialisation).

известный экономист Р. Буайе, исследовавший трудности вхождения Франции в открытую экономику [Boyer, 1998 a].

С началом нового столетия вектор дискуссии сменился: ее участников все больше волнует вопрос, следует ли и дальше идти по пути глобализации или надо с него сворачивать. В научно-экспертном сообществе обсуждаются проблемы, связанные с «отливом глобализации», в публичный дискурс вошли новые понятия – «деглобализация» и «контрглобализм». Один из авторов нашего выпуска, специалист по экономике быстро развивающихся стран Ж. Веркёй, полемизируя с антиглобалистами, подчеркивает, что простого выхода из глобализации не существует, поскольку за прошедшие 40 лет мир изменился, разные страны и человеческие сообщества включились в глобальное информационное пространство, узнали о том, как живут люди в других странах, поняли, что богатство в мире распределяется неравномерно и сами захотели жить лучше. Рассуждая о будущем глобализации, Веркёй подчеркивает: можно создать искусственные преграды на пути движения товаров и рабочей силы, но изменить коллективные представления о желаемых формах потребления и стилях жизни невозможно [Verceuil 2019, p. 22].

В статье анализируется, как Франция вступила в глобализацию, каковы были особенности и последствия этого процесса для французской экономики и социума. Меня интересовало, как на протяжении последних четырех десятилетий менялось французское общество и какие новые социальные расколы в нем появились [Ранее эти вопросы анализировались в работе: Лапина 2019].

Хочу поблагодарить Жюльена Веркёя (Julien Verceuil, Институт восточных языков, Париж) и мою коллегу Ирину Георгиевну Животовскую за ценные советы и рекомендации.

Четыре десятилетия трансформаций

В романе «Карта и территория» М. Уэльбек рисует Францию будущего, страну, в которой сохранились лишь две отрасли – сельское хозяйство и туризм. Романы Уэльбека – это не политическая фантастика, в них с удивительной силой отражена трансформация французского общества. Действительно, за последние четыре десятилетия Франция изменилась до неузнаваемости. Индустриальной страны с заводами и фабриками, большими промышленными городами, боевитым и организованным в профсоюзы многомиллионным пролетариатом больше не существует. И если на праздник коммунистической газеты «Юманите» еще приходят тысячи французов, это лишь дань традиции.

До середины 1970-х годов индустриальная Франция чувствовала себя хорошо. Послевоенные десятилетия (1946–1973) принято называть временем «французского экономического чуда»: экономика росла высокими темпами,

безработица была на низкой отметке. В эти годы во Франции, как и в других развитых странах Запада, сложилась экономическая модель «массового производства – массового потребления», на предприятиях внедрялись принципы поточного производства и новые жесткие формы организации труда. Социальная структура общества изменилась: росла численность лиц наемного труда²; исчез класс рантье; доля традиционных средних слоев в составе населения сократилась, численно вырос средний класс, представители которого работают по найму [подробнее: Лапина 1986].

К началу 1970-х годов преимущества экономической модели «массового производства – массового потребления» были исчерпаны. Резкий рост цен на нефть в 1973 г. вызвал мировой экономический кризис, это был первый мировой экономический кризис, который Франция ощутила в полной мере. Французские товары выросли в цене и утратили конкурентоспособность. Послевоенный период быстрого экономического роста завершился. На смену «тридцати славным годам», пишет Р. Буайе, пришли «скорбные десятилетия» [Boyer 1998 a].

В 1980-е годы мировая экономика вступила в современную фазу глобализации, которая совпала с информационной революцией. Характеристику новой глобальной информационной экономики дал замечательный социолог М. Кастельс. Новая экономика, писал он, «информациональная» (informational economy)³, в ней производительность «зависит от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях». Одновременно она «глобальная – потому, что основные виды экономической деятельности организуются в глобальном масштабе» [Кастельс 2000, с. 81].

В 1980-е годы страны Запада вступили в новую открытую экономику, приступили к структурной перестройке национальных экономик. Во Франции переход к новой экономике и новому производственно-технологическому укладу проходил с трудом [Eugaud, Iribarne, Maurice 1988]. Государство продолжало развивать атомную промышленность, стремясь сохранить энергетическую независимость страны, тогда как в других отраслях расходы на научные исследования росли недостаточно быстро. В 1981 г. к власти во Франции пришли социалисты, делавшие основной упор на распределительную политику и мало заботившиеся о развитии новой информационной экономики.

В рамках глобальной экономики формировался мировой рынок капиталов, товаров и услуг. Складывалось новое международное разделение труда,

2. В 1954 г. они составляли 13 млн, в 1975 – 17,1 млн человек. Их удельный вес в самостоятельном населении повысился (66% – в 1954 г., 78% – в 1975 г.). – Подсчитано по: [Recensement 1985, p. 35].

3. М. Кастельс использует именно этот термин. – Н. Л.

международная конкуренция обострилась. Мир вступил в новую эпоху. В международное разделение труда включились новые быстро развивающиеся страны (Индия, Китай, страны Юго-Восточной Азии). Производители из стран Юго-Восточной Азии наводнили мировой рынок дешевыми товарами широкого спроса, а предприятия развитых стран предлагали высокотехнологичную качественную продукцию [Boyer 1998 а].

В 1990-е годы французская промышленность не без труда приспособилась к открытой экономике. Государством был сделан упор на высокотехнологичные отрасли, в которых у Франции имелись преимущества (самолетостроение, космическая промышленность, транспорт, фармацевтика). В других отраслях промышленного производства, наоборот, наблюдался спад [La mondialisation... 2017]. Французское государство традиционно играет большую роль в инновационном и экономическом развитии страны. В конце 1970-х годов государство поддержало эксперимент, проводившийся в рамках программы «информатизации общества». Французской телефонной компанией была предложена на рынке новая коммуникационная сеть. Правительственным решением каждая французская семья безвозмездно получала терминал Minitel, который подключался к новой Сети. Minitel был прост в использовании и первоначально заменил телефонный справочник. Со временем система была открыта для французского бизнеса и с 1995 г. стала самокупаемой. Minitel приобщил французов к новым способам коммуникации. Однако создать собственный компьютер Франции так и не удалось.

Французским правительством предпринимались и другие шаги в направлении инновационной экономики. В ряде городов – Нице, Гренобле, Меце, Тулузе, Нанте, Марселе – были созданы технополюса, а с начала 2000-х годов «полюса конкурентоспособности» (ПК), в рамках которых действовали бизнес-инкубаторы [Лапина 2010]. К концу 2018 г. насчитывалось 66 полюсов, однако им не удалось превратиться в глобальные «ядра инновации».

В 2006 г. было принято решение о строительстве в 20 км от Парижа крупнейшего научно-производственного кластера по образцу Силиконовой долины – Париж-Саклэ. Развивалась транспортная сеть (линия метро), создан университет, многие «большие школы» переехали в Саклэ, а частные компании перенесли сюда свои лаборатории и представительства. В перспективе в кластере планируется сосредоточить 20–25% французских научных лабораторий и исследовательских центров. Невзирая на предпринимаемые государством усилия Франция по показателю инновационной экономики в «Мировом инновационном индексе» (2018) среди 126 стран занимает скромное 16-е место [Global... 2018].

Отставание Франции в сфере инновационной экономики объясняется рядом причин. Во-первых, по традиции гордостью французской экономики являются крупные предприятия, однако в новой информационной экономике

наиболее успешными оказываются небольшие гибкие производства, быстро реагирующие на меняющиеся потребности рынка. Во-вторых, французские предприятия не были готовы к инновациям, в общем объеме промышленного производства доля высокотехнологичной продукции невысока, а следовательно, и спрос на новые технологии ограничен. В-третьих, во Франции недостает предпринимателей – экономических акторов, готовых к риску и мыслящих инновационно. Серьезным ограничением являются и культурные особенности. В США инновационная экономика создавалась людьми, которые не боялись сделать ошибку, тогда как во французской системе представленной ошибкой недопустима и отмечает человека клеймом «неудачника».

Глобализация изменила привычную жизнь французов. Они смогли удовлетворить свои потребности и получили доступ к дешевым импортным товарам широкого спроса. Благодаря снижению транспортных тарифов французы стали больше путешествовать. Французские учащиеся все чаще имеют возможность получить образование за рубежом, а специалисты уезжают работать за границу⁴. Сегодня французы смотрят иностранные фильмы, слушают иностранную музыку, культура современной Франции стала частью глобальной культуры. В экономическом плане под влиянием глобализации изменилась структура и размещение промышленного производства. Внутри Франции появились ареалы современной экономики и зоны, переживающие экономический упадок. Но, пожалуй, самым ощутимым последствием вступления Франции в открытую экономику стала масштабная деиндустриализация.

Разрушение промышленного потенциала

История деиндустриализации во Франции насчитывает почти пять десятилетий. На первом этапе (вторая половина 1970 – первая половина 1980-х годов) в условиях усилившейся международной конкуренции французские предприятия начали закрываться. Прежде всего страдали традиционные отрасли экономики: металлургия, судостроение, угольная, целлюлозно-бумажная, текстильная промышленность. Экономист и политик П. Артюс называет деиндустриализацию самой «крупной индустриальной катастрофой» [Artus, Virard 2011, p. 18]. В географическом отношении деиндустриализацию больше всего испытали на себе регионы, где когда-то начиналась Промышленная революция (Север, Северо-Восток, Юго-Восток).

4. Отъезд высококвалифицированных специалистов представляет для Франции серьезную проблему. Между двумя периодами 1981–1990 и 1996–2006 гг. число французских специалистов, уехавших работать в США, увеличилось на 77% [Braquet L. 2010. С. 32]. С начала 2000-х годов этот процесс нарастал. Ежегодно от 60 до 80 тыс. дипломированных специалистов уезжают из Франции работать за границу [Dossier].

На втором этапе (вторая половина 1980-х – 2010-е годы) французские предприятия стали перемещаться (делокализация) в страны «периферии», где были низкие издержки производства. С 1995 по 2001 г. французская промышленность только в связи с делокализацией промышленных предприятий потеряла 95 тыс. рабочих мест (13 500 рабочих мест в год). Половина из них была перенесена в быстро развивающиеся страны (Индия, Китай, Юго-Восток Азии), другая половина – в восточноевропейские страны и европейские страны Юга. Однако тема делокализации привлекла к себе внимание только тогда, когда ведущая отрасль французской экономики, автомобилестроение, вступила в полосу кризиса. В экспертном докладе (2012) впервые проводилась параллель между деиндустриализацией и снижением конкурентоспособности французской экономики. Отмечалось, что французская промышленность достигла уровня, «ниже которого ее ожидает полное разрушение» [цит. по: Bost, Messaoudi 2017].

На третьем этапе (2010-е годы) процесс делокализации приостановился, а «эмигрировавшие» предприятия начали возвращаться во Францию. Факторы, способствовавшие делокализации, действовать перестали. Из сборочных цехов страны с быстро развивающейся экономикой превратились в производителей высокотехнологичной продукции, заработная плата работников росла. Тем не менее масштабы релокации остаются ограниченными. К тому же процесс делокализации, как считают эксперты, не завершился, в будущем он затронет сектор услуг. Франции угрожает потеря около 50% рабочих мест в банковском секторе, страховании, сфере оказания маркетинговых и консультационных услуг⁵ [Mouhoud 2018].

Ни в одной из развитых стран, писал Р. Буайе в работе «Славные дни и несчастья французской промышленности», деиндустриализация не происходила столь стремительно, как во Франции [Boyer 1998 а, р. 19]. Доля Франции в мировом промышленном производстве в 1970 г. составляла 3,2%, в 2000 г. – 3%. За период с 2000 по 2015 г. ее вклад в выпуск мировой промышленности сократился и составил в 2015 г. 1,9% [Клинов 2017, с. 115]. По прогнозам аналитиков, французская экономика через десять лет может покинуть первую десятку ведущих экономик мира [Клинова 2019, с. 82]. Так что картина, описанная М. Уэльбеком, не так уж далека от действительности. Не случайно герой романа, художник, стремится запечатлеть разрушающийся индустриальный мир на фотографии...

Деиндустриализация привела к росту во Франции хронической безработицы. С 1970-х годов и до наших дней безработица во Франции колеблется

5. По некоторым оценкам, к 2020 г. во Франции будет закрыто 12% банковских агентств [Wajsbrot 2018].

в диапазоне от 7 – до 10% экономически активного населения страны. С 1970 по 2014 г. число занятых в обрабатывающей промышленности сократилось на 2,3 млн (с 5,6 млн до 3,3 млн), а их доля в составе экономически активного населения сократилась с 23,7 до 12% [Bost, Messaoudi 2017]. Рабочие места, созданные в сфере обслуживания предприятий (логистика, научно-исследовательские работы, бухгалтерский учет в общей сложности 1 млн за период с 1978 по 2015 г.), не компенсировали потери в производственной сфере. Половина исчезнувших во Франции рабочих мест, по подсчетам экономиста Ж. Сапира, вызвана делокализацией предприятий. К структурным факторам добавились последствия экономических кризисов. Одним из самых тяжелых стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., серьезно сказавшийся на рынке труда. В 2009 г. безработица составляла 9,1% экономически активного населения, в 2013 г. – 10,1%, к концу 2019 г. она снизилась до уровня 8,6% [Le taux de chômage, 2018; La préférence française, 2019].

Выигравшие и проигравшие «глобальное соревнование»

Одним из первых сдвиги в социальной структуре развитого общества в условиях глобализации описал американский экономист Р. Райх в книге «Суперкапитализм». Используя этот подход, Ж. Веркёй при анализе социальных процессов во французском обществе приходит к интересным выводам [Веркёй 2019]. К группе занятых, более всего затронутых глобализацией и подверженных массовой безработице, Веркёй относит индустриальных рабочих низкой и средней квалификации. Этот тип работника встречается не только в сфере производства, но и в сфере обслуживания. В 1980–1990-е годы представители этой социальной группы составляли 25% экономически активного населения Франции.

Во вторую группу входят государственные служащие, чей статус защищен государством. В 2018 г. они составляют пятую часть экономически активного населения Франции (5,4 млн человек) [Fonction publique... 2018]. Основное преимущество государственных служащих – гарантированная занятость. Однако неясно, какое будущее ожидает эту социально-профессиональную категорию, учитывая, что правительство намерено сократить численность вакансий государственных служащих.

Третья категория занята в сфере оказания услуг частным лицам. Эта социально-профессиональная категория численно растет и будет расти, поскольку население стареет и все больше нуждается в медицинских, парамедицинских и прочих услугах. Эта сфера деятельности затронута глобализацией не напрямую, а опосредованно. Те из занятых, кто обслуживает представителей

элиты, имеют высокие доходы и пользуются престижем. Работающие в этой сфере представляют более трети всех занятых во Франции.

Четвертая категория включает в себя победителей «глобального соревнования». Это лица, производящие продукты и услуги, востребованные глобальным рынком. По своему составу эта группа неоднородна: в нее входят производители программного обеспечения, молодые инженеры и программисты, их интеллектуальные продукты пользуются спросом во всем мире, а также лица, ставшие мировыми брендами – звезды шоу-бизнеса, журналисты, спортсмены. По оценкам Веркёя, к этой группе во Франции относится не более пятой части экономически активного населения.

В информационном обществе факторами, генерирующими неравенство, становятся наличие образовательного капитала, способность человека производить, обрабатывать и передавать информацию, готовность постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки и знания. «Впервые в истории неравенство порождается личными качествами и личными успехами людей» [Шкаратан 2011, с. 118]. Деление людей на тех, кто способен включиться в новую информационную экономику, и тех, кто не может адаптироваться к происходящим переменам, – это первый фундаментальный социальный раскол, который возникает в информационном обществе, но есть и другие.

Так сколько же Франций существует?

Другой социальный раскол выявляется по мере роста социально-пространственных диспропорций. В условиях глобализации складывается новая поселенческая структура со своей иерархией и внутренними напряжениями. Французский урбанист К. Гиллюи предложил для анализа социальных изменений в обществе модель «двух Франций». В книге «Периферийная Франция» (2014) он описал два различных социальных пространства: Францию метрополитенских городов / метрополитенских ареалов (территории, в центре которых находится один или несколько городов)⁶ и «периферийную Францию» [Guilluy 2014].

Для метрополитенских городов характерно динамичное развитие; они вплетены в систему международных экономических, научно-технических и культурных связей. Здесь создается «основная часть национального богатства

6. Французское понятие «métropole» переводится на русский язык как метрополитенский ареал. Метрополитенские ареалы были созданы во Франции законом 2010 г., в соответствии с которым они получили статус территориальных сообществ; в настоящее время во Франции насчитывается 21 метрополитенский ареал и 30 метрополитенских городов.

Франции», сосредоточено «50% экономической деятельности» [Guilluy 2016, p. 99–100; Guilluy 2018 b, p. 29]. В последние десятилетия большие города превратились в площадку борьбы между прежними и новыми обитателями. Во-первых, из городской среды вытеснялись рабочие, многие из которых переехали жить за город. Во-вторых, метрополитенские города превратились в центры, где проживает основная масса (60%) выходцев из иммиграции⁷. В-третьих, большие города стали центрами постиндустриальной экономики, в них селятся представители «креативного класса», – те самые победители «глобального соревнования», о которых речь шла выше. Гиллюи называет этих людей «новой буржуазией»⁸. Привилегированные слои, по его оценкам, сопоставимым с выводами Веркёя, составляют от 20 до 30% населения Франции [Guilluy 2018 a]. Многие из них становятся частью глобальной элиты. Новые элитные слои отличаются стилем жизни и характером потребления. Они стараются не демонстрировать свои финансовые возможности, скромно одеваются, нередко вместо машин пользуются велосипедами, в Париже селятся в кварталах, где раньше жили рабочие. Речь идет о «дорогой простоте», недоступной широким слоям населения. Глобальный мир принято считать «открытым», пишет Гиллюи. Но в реальности глобальные города – это «крепости», окруженные кварталами, где проживают иммигранты. «Открытое общество» возвращает мир в Средневековье – эпоху, в которой между социальными классами и слоями существовали непреодолимые барьеры [Guilluy 2016, p. 23].

Наряду с глобальными городами существует другая Франция – это французская глубинка, где проживают народные слои⁹. «К народным слоям французские исследователи относят рабочих, значительную часть служащих, самозанятых, неработающих. Этих людей отличает ограниченность ресурсов, невысокий уровень образования, низкие доходы, отсутствие перспектив социального роста, тяжелые условия труда, высокие физические и психологические нагрузки» [Лапина 2019, с. 29]. По подсчетам французского экономиста Т. Пикетти, автора нашумевшей книги «Капитал в XXI веке», к народным слоям относится 50% населения Франции [Piketty 2015, p. 135]. В свою очередь Гиллюи полагает, что подавляющее большинство народных слоев (66%) сосредоточено в «периферийной Франции» [Guilluy 2016, p. 136]. Они не

7. В них сосредоточена основная масса иммигрантов (60%) [Guilluy 2016, p. 136].

8. Другие исследователи пишут о «новых группах нового среднего класса» (О.И. Шкаратан), «элитных слоях верхнего среднего класса» (С.Я. Веселовский).

9. В русском языке французское понятие «*classes populaires*» не имеет аналогов. В современной французской социологической и экономической литературе «народные слои» заменили выходящее из употребления понятие «рабочий класс».

являются бедными, их доходы чуть выше, чем у самых бедных французов¹⁰, но их материальное положение в последние годы становилось все более уязвимым. С 1980-х годов постоянную работу заменили нестандартные формы занятости, доходы расти перестали, а условия труда стали более тяжелыми [Guilluy 2016, p. 96].

К «периферийной Франции» относятся малые и средние города (с числом жителей менее 100 тыс. человек) с прилегающей к ним загородной зоной. В 1991 г. в составе группы французских социологов во главе с М. Вивьоркой (Michel Wieviorka, CADIS) я участвовала в социологическом исследовании, посвященном росту националистических настроений во Франции. В рамках проекта мы работали в городах на Севере Франции – Рубэ и Туркуэне. В прошлом это были центры текстильной промышленности. К началу 1990-х годов Туркуэн превратился в «город-призрак»: фабрики закрыты, целые кварталы обезлюдели. Жители города рассказывали, как постепенно деградировало городское пространство: инфраструктура разрушалась, магазины и учреждения закрывались, молодежь уезжала. Тогда трудно было представить, что это будущее ждет многие французские города.

Ряд экспертов упрекают Гиллюи в схематизме, в том, что ученым не были учтены другие зоны неблагополучия, в частности большие города, где сложились гетто с проживающими в них выходцами из иммиграции и где уровень бедности зашкаливает. В связи с этим некоторые эксперты предлагают с учетом городских гетто говорить не о двух, но о «трех Франциях» [Voskel 2018]. В свою очередь французский политик М. Леруа, в прошлом министр города (2010–2012), убежден: во Франции много говорят о неблагополучных пригородах и почти ничего не знают о страдающей и молчаливой сельской местности и ее жителях [Leroу 2011, с. 82].

Так сколько же Франций на сегодняшний день существует? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку многое зависит от того, какие критерии дифференциации принимаются за основу. Известно, что не всякая периферия является депрессивной территорией. В самом тяжелом положении оказались регионы традиционной индустрии, где зарождалась Промышленная революция. В лучшем положении оказались аграрные регионы, где промышленное производство отсутствовало, и которые достаточно успешно адаптировались к новой цифровой экономике (Бретань, Юго-Запад). Большую роль в адаптации территорий к новой экономике, как полагают демограф Э. Ле Браз и антрополог Э. Тодд, играют семейные связи и религиозные традиции.

10. Информационный центр по отслеживанию неравенства (*Observatoire des inégalités*) относит к бедным лиц, имеющих доход ниже 50% от медианного. В 2018 г., по данным этой организации, во Франции насчитывалось 5 млн бедных, за период с 2006 по 2016 г. их число выросло на 600 тыс. человек [L'Observatoire... 2018].

В регионах Франции, где долгое время сохранялась католическая традиция и поддерживаются семейные связи, существует взаимопомощь членов территориальных сообществ [Le Bras, Todd 2013, с. 151].

Место проживания является важнейшим социальным ресурсом, от которого зависит доступ к другим ресурсам – образованию, культуре, новым знаниям. У молодых людей, жителей «периферийной Франции», как свидетельствуют опросы социологов, снижены социальные ожидания, они менее уверены в себе, чем их сверстники, проживающие в больших городах, у них реже сформирован проект будущего [La jeunesse «périphérique» doute de ses chances, 2019, с. 14].

Что происходит со средним классом?

Крупнейшим завоеванием «тридцати славных лет» стало формирование среднего класса¹¹, представители которого работают по найму. В 1960–1980-е годы, по некоторым оценкам, средний класс составлял от 60 до 80% населения страны, в настоящее время, по мнению Пикетти, – не более 40% [Piketty 2015, р. 133]. На протяжении десятилетий средний класс рассматривался не только как стабилизирующая сила общества, опора демократических институтов, но и как некий социальный образец. Если во времена Мольера господин Журден хотел манерами походить на аристократа, то на протяжении послевоенных десятилетий большинство французов скромного происхождения стремились приобщиться к социальному статусу и образу жизни средних классов. И, что важно, это им удавалось.

С 1980-х годов ситуация изменилась. Средний класс утратил прежнюю стабильность и защищенность от социальных потрясений и кризисов [Chauvel 2016, р. 82–84]. Среди факторов, влияющих на статус и моральный дух его представителей, французские исследователи называют изменение материального положения и условий труда. Пикетти показал, что с конца 1980-х годов заработная плата основной массы лиц работающих по найму расти перестала, а рост доходов фиксировался только у элитных групп. Еще до Пикетти социолог Л. Шовель пришел к выводу, что на протяжении последних десятилетий, происходило сближение в оплате труда рабочих, служащих и низших и средних страт среднего класса, а также нарастал разрыв между уровнем оплаты труда нижних (средних) и верхних страт среднего класса [Chauvel 2016, р. 66]. Кроме этого, средним и низшим стратам среднего класса все чаще угрожает безработица, порождающая у их представителей

11. Во французской научной литературе термин «средний класс» часто употребляется во множественном числе (*classes moyennes*), что подчеркивает сложность структуры и разнообразие образующих его групп.

страх потерять социальный статус и лишиться привычного образа жизни [Chauvel 2016, p. 71].

Проблема неравенства еще острее ощущается, если рассматривать ее через призму поколенческих когорт [Chauvel 2016, p. 90]. Молодое поколение французов сталкивается с такими проблемами, как инфляция дипломов, сложность вхождения на рынок труда, отсутствие перспектив социального роста. В 1978 г. различные возрастные группы имели сопоставимый уровень жизни. С начала 2000-х годов разрыв между ними неуклонно нарастал. В результате увеличилась зависимость молодых людей от родителей, поскольку даже наличие работы не обеспечивает им достойную жизнь; молодые поздно вступают в брак и не стремятся обзаводиться детьми. «Сегодня, – пишет Шовеля, – молодые поколения с экономической точки зрения находятся в положении иммигрантов в собственной стране» [Chauvel 2016, p. 105].

Итак, средний класс фрагментируется, его представители утрачивают устойчивые позиции на рынке труда, их ресурсы становятся более ограниченными, и они остро ощущают утрату социального статуса. Закупорка социальных лифтов приводит к тому, что этим людям не удастся передать свой статус по наследству детям. Нижние страты среднего класса по экономическим и статусным позициям приближаются к народным слоям, а узкий высший слой вливается в новые привилегированные классы или в глобальную элиту.

Французское общество на историческом переломе

Процесс вступления французского общества в глобализацию привел к масштабным социальным сдвигам. В индустриальную эпоху главным социальным конфликтом было противостояние пролетариата и буржуазии. В глобальную информационную эпоху на традиционный конфликт накладывается раскол между той частью общества, которая принимает глобализацию и верит в ее счастливый исход, и той его частью, которая страшится перемен и стоит на охранительных позициях. На вопрос: «Угрожает ли глобализация национальной идентичности вашей страны» большинство французов (63%), наряду с греками (70%) и итальянцами (62%) отвечают утвердительно [Robin 2017]. Чуть больше пятой части французских граждан считают, что Франция должна «открыться миру» (23%), тогда как 38% полагают, что стране следует «защитить себя» [Baromètre 2019].

На фоне экономических и социальных перемен, которые сопровождали вхождение Франции в глобальную экономику, в обществе нарастали тревожные настроения: усталость (32%), мрачность (31%), недоверие (29%) (2019). Пессимистический настрой прежде всего характеризует народные слои, французскую глубинку. Люди тяжело переживают собственные неудачи, но

еще больше их тревожит будущее детей. В 2019 г. 58% французов полагали, что у детей меньше шансов, чем у родителей; 49% считали, что молодым людям, чтобы реализоваться профессионально, следует уехать за границу [Baromètre 2019].

На этом фоне в ноябре 2018 г. вспыхнуло движение протеста, получившее название «желтых жилетов». Его участники протестовали против повышения цен на автомобильное топливо. «Желтые жилеты» – новое явление общественно-политической жизни Франции (см. подробнее: [Бурмо, Лапина 2019; Обичкина 2019; Рубинский 2019]). Оно не было похоже на другие социальные движения протеста: выстроено по горизонтали, слабо структурировано, не выдвинуло лидеров из своей среды. Участники протеста не были объединены принадлежностью к одному классу, в нем наряду с рабочими, безработными, пенсионерами принимали участие представители малого бизнеса, ремесленники, самозанятые. Движение «желтых жилетов» отличалось длительностью, охватило территорию всей Франции, нашло широкую поддержку в обществе. Активное участие в движении протеста приняли представители «периферийной» – молчаливой Франции. Истоки движения надо искать в истории последних десятилетий. Оно стало результатом деиндустриализации, разрушения промышленного потенциала, деградации пространства и жизненного фиаско миллионов французов. Эти люди долгое время терпели моральные унижения, связанные с потерей хорошо оплачиваемой работы в промышленности и заменой ее негарантированной занятостью в сфере торговли и услуг.

Простого выхода из глобализации, считает Ж. Веркёй, не существует. Убеждена, простого выхода из движения «желтых жилетов» тоже нет. Это движение возникло во Франции, потому что французское общество болезненно воспринимает неравенство, не признает его легитимности. При сохранении подобных настроений перспектива возникновения новых движений протеста остается открытой.

Заключение

За прошедшие четыре десятилетия во Франции произошел переход от Второй промышленной революции к Третьей. Он был связан с внедрением информационных технологий и новейших средств коммуникации. Индустриальная модель производства сменилась постиндустриальной экономикой, французская экономика стала частью глобальной. В настоящее время французское общество находится на историческом переломе. Прежние его структуры ломаются и размываются, но не исчезают полностью, а новые пока еще не окончательно сформировались. Новое сталкивается со старым, порождая глубокий социальный стресс. Люди, проигравшие «глобальное соревнование»,

люмпенизируются, теряют веру в себя. В процветающих глобальных городах-«крепостях», несмотря на общий оптимизм победителей «глобального соревнования», накапливается страх перед новыми социальными конфликтами. В острой форме эти напряжения проявились в ходе массовых выступлений «желтых жилетов», крайне негативно воспринятых частью интеллектуального и медийного сообщества (подробнее: [Бурмо, Лапина 2019]).

Мир меняется, становится более сложным. В связи с этим перед политиками и аналитиками стоят непростые задачи. Социолог Шовель призывает политиков не бояться правды. Он во всеуслышание говорит, что отсутствие перспектив социального роста при постоянно возрастающем уровне образования населения создает опасную социально-политическую ситуацию. Молодые люди с университетским дипломом, разочаровавшиеся в жизни, – это потенциальные Раскольниковы, Нечаевы, Ставрогины. Они – прямая угроза демократии [Chauvel 2016, p. 114]. В свою очередь перед аналитическим сообществом стоит задача выработки научных методов для изучения новой меняющейся социально-политической реальности.

Библиография

- Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности. Развитие капиталистической экономики в период от долгого бума до долгого спада. М.: Изд-во ВШЭ, 2014. 552 с.
- Бурмо Д., Лапина Н.Ю. Движение «желтых жилетов»: Взгляд из России и Франции // Россия и современный мир. 2019. № 3. С. 37–63.
- Веркёй Ж. Интервью / Взято Н.Ю. Лапиной. М., 2019. Апр. Архив автора.
- Веселовский С.Я. Глобализация и проблема неравенства доходов в современном мире: Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2017. 184 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.
- Клинов В.Г. Сдвиги в мировой экономике в XXI в.: Проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. М., 2017. № 7. С. 114–127.
- Клинова М.В. Развитие промышленности и человеческого капитала во Франции // Свет и тени «эры Макрона» / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Институт Европы РАН, 2019. С. 81–85. (Доклады Института Европы, № 362).
- Лапина Н.Ю. Изменение социальной структуры французского общества и проблемы формирования классового сознания: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1986. 56 с.
- Лапина Н.Ю. Новая индустриальная политика и полюса конкурентоспособности во Франции // Региональное развитие и вызовы глобализации. Сборник обзоров и рефератов / Сост. и отв. ред. И.Г. Животовская, Т.В. Черноморова. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 16–43.
- Лапина Н.Ю. Французское общество перед вызовами глобализации: Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2019. 50 с.
- Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «Желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 101–135.

Рубинский Ю.И. Франция: мини- или макси-кризис? // Свет и тени «Эры Макрона» / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Институт Европы РАН, 2019. С. 8–43. (Доклады института Европы; № 362).

Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 528 с.

Artus P., Virard M.-P. La France sans ses usines. P.: Fayard, 2011. 184 p.

Baromètre de la confiance politique. Vague 10 / CEVIPOF. 2019. Jan. URL: https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/CEVIPOF_confiance_vague10-1.pdf (дата обращения: 13.07.2019).

Bockel O. Les trois France: entre périphéries et métropoles. URL: <https://lvsl.fr/trois-france-entre-peripheries-metropoles/> (дата обращения: 10.02.2018).

Bost F., Messaoudi D. La désindustrialisation: Quelles réalités dans le cas français? // Revue géographique de l'Est. P., 2017. Vol. 57. N 1–2. URL: <https://journals.openedition.org/rge/6333> (дата обращения: 12.07.2019).

Boyer R. Heures et malheurs de l'industrie française: 1945–1995. Essor et crise d'une variante étatique du modèle fordiste. P.: CEPREMAP, 1998 a. 39 p. (CEPREMAP Working papers; 9805).

Boyer R. La politique à l'ère de la mondialisation et de la finance: Le point sur quelques recherches régulationnistes. P.: CEPREMAP, 1998 b. 78 p. (CEPREMAP Working Papers; 9820).

Braquet L. L'économie américaine. P.: Bréal, 2010. 126 p.

Chauvel L. La spirale du déclassement. Essai sur la société des illusions. P.: Seuil, 2016. 218 p.

Chauvel L. Le destin des générations: Structure sociale et cohortes en France du XX-e siècle aux années 2010. P.: PUF, 2002. 301 p.

Dossier: comprendre et réussir son expatriation. URL: <https://wallstreetenglish.fr/dossiers/dossier-comprendre-reussir-son-expatriation/fuite-cerveaux-en-france> (дата обращения: 2.12.2019).

Eyraud F., Iribarne d' A., Maurice M. Des entreprises face aux technologies flexibles: Une analyse de la dynamique du changement // Sociologie du travail. P., 1988. N 30 (1). P. 55–77.

Fonction publique: Chiffres-clés 2018 / Ministère de l'action et des comptes publics. URL: https://www.fonction-publique.gouv.fr/files/files/statistiques/chiffres_cles/pdf/Fiche_decideurs-2018.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

Gauchet M. La France périphérique contre les élites. 2018. 09.03. (Les entretiens de CRE). URL: https://www.youtube.com/watch?v=_h8HeX5qXR0 (дата обращения: 12.07.2019).

Global Innovation Index 2018 // World Intellectual Property Organization [site]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf (дата обращения: 13.07.2019).

Guénaire M. Le modèle français à l'épreuve de la mondialisation // Note du Cas. 2005. N 1. Sept. P. 9–17.

Guilluy Ch. Interview // Radio RCJ. 2018 a. 20.11. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0_ZQ1tfR26o (дата обращения: 13.07.2019).

Guilluy Ch. La France périphérique: Comment on a sacrifié les classes populaires. P.; Flammarion. 2014. 185 p.

Guilluy Ch. Le crépuscule de la France d'en haut. P.: Flammarion, 2016. 272 p.

Guilluy Ch. No Society. La fin de la classe moyenne occidentale. P.: Flammarion, 2018 b. 240 p.

L'Observatoire des inégalités publie son premier rapport sur la pauvreté / Observatoire des inégalités. 2018. 11.10. URL: <https://www.inegalites.fr/L-Observatoire-des-inegalites-publie-son-premier-rapport-sur-la-pauvrete> (дата обращения: 5.08.2019).

La mondialisation a amené l'industrie française à se spécialiser sur ses points forts: Etude économique. P.: Ministère de l'économie et des finances, 2017. URL: https://www.entreprises.gouv.fr/files/files/directions_services/etudes-et-statistiques/4p-DGE/2017-10-4p-N76-Mondialisation.pdf (дата обращения: 5.08.2019).

- La préférence française // L'OBS. P., 2019. 21–27 Nov. N 2872. P. 16.
- Lapina N.Yu. Frantsuzskoe obschestvo pered vyzovami globalizatsii: Analiticheskiy obzor. M.: INION RAN, 2019. 50 p.
- Le Bras H., Todd E. Le Mystère français. P.: Seuil, 2013. 336 p.
- Le taux de chômage diminue de 0,3 points au quatrième trimestre 2018. INSEE. 14.02.2018. URL: [insee.fr/fr/statistiques/3713743](https://www.insee.fr/fr/statistiques/3713743) (дата обращения: 3.03.2019).
- Leroy M. Parole d'affranchi. P.: Le cherche Midi, 2011. 196 p.
- Mael Th. La jeunesse «périphérique» doute de ses chances // L'OBS.P., 2019. N 2872. 21–27 Nov. P. 14.
- Minc A. La mondialisation heureuse. P.: Plon, 1997. 260 p.
- Mondialisation et régulations. Europe et Japon face à la singularité américaine / Sous la dir. de R. Boyer, H.-F. Souyri. P.: La Découverte, 2001. 180 p.
- Mouhoud E.M. Il y a peu de relocalisations en France, car il y a peu de délocalisations: Entretien // Alternatives économiques. 2018. 23.07. URL: <https://www.alternatives-economiques.fr/y-a-de-relocalisations-france-y-a-de-delocalisation/00085625> (дата обращения: 12.07.2019).
- Piketty T. Vers une économie politique et historique. Reflexions sur le capital au XXI siècle // Annales. Histoire. Sciences sociales. P., 2015. N 1 (70). P. 125–138.
- Piketty Th. Le capital au XXIe siècle. P.: Le Seuil, 2013. 976 p.
- Recensement général de la population de 1982: Sondage au 1/4 France métropolitaine par catégorie de commune/ Institut national de la statistique et des études économiques. P.: INSEE, 1985. 213 p.
- Reich R. Supercapitalisme. Le choc entre le système économique émergent et la démocratie. P.: Vuibert 2008. 288 p.
- Robin J.-P. Macron va-t-il réconcilier les Français avec la mondialisation? // Le Figaro. P., 2017. 27.06.
- Rouban L. Le paradoxe du macronisme. P.: Presses de Sciences Po, 2018. 180 p.
- Sapir J. La démondialisation. P.: Seuil, 2011. 272 p.
- Une ambition pour 10 ans: Rapport de la commission pour la libération de la croissance française / Présidée par J. Attali. P.: Édition XO, 2010. 272 p.
- Verceuil J. Les avatars de la mondialisation. Remarques sur quatre scénarios plausibles // Une mondialisation contrariée: L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / X. Richet, J. Verceuil (Dir.). P.: Harmattan, 2019. P. 15–32.
- Wajsbrot Sh. Le rythme des fermetures d'agences bancaires doit quadrupler en France // Les Echos. P., 2018. 15.04.

References

- Artus P., Virard M.-P. La France sans ses usines. P.: Fayard, 2011. 184 p.
- Baromètre de la confiance politique. Vague 10 / CEVIPOF. 2019. Jan. URL: https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/CEVIPOF_confiance_vague10-1.pdf (date of access: 13.07.2019).
- Bockel O. Les trois France: entre périphéries et métropoles. URL: <https://lvsl.fr/trois-france-entre-peripheries-metropoles/> (date of access: 10.02.2018).
- Bost F., Messaoudi D. La désindustrialisation: Quelles réalités dans le cas français? // Revue géographique de l'Est. P., 2017. Vol. 57. N 1–2. URL: <https://journals.openedition.org/rge/6333> (date of access: 12.07.2019).
- Boyer R. Heures et malheurs de l'industrie française: 1945–1995. Essor et crise d'une variante étatique du modèle fordiste. P.: CEPREMAP, 1998 a. 39 p. (CEPREMAP Working papers; 9805).

Boyer R. La politique à l'ère de la mondialisation et de la finance: Le point sur quelques recherches régulationnistes. P.: CEPREMAP, 1998 b. 78 p. (CEPREMAP Working Papers; 9820).

Braquet L. L'économie américaine. P.: Bréal, 2010. 126 p.

Brenner R. Jekonomika global'noj turbulentnosti. Razvitie kapitalisticheskoy jekonomiki v period ot dolgogo buma do dolgogo spada [The Economics of Global Turbulence. Development of capitalist economy from long boom to long recession]. Moscow: Izd-vo VShJe, 2014. 552 p. (In Russ.)

Burmo D., Lapina N.Ju. Dvizhenie «zheltyh zhiletov»: Vzgljad iz Rossii i Francii. Rossija i sovremennyj mir [Movement of «Yellow Vests»: View from Russia and France. Russia and the modern world]. 2019. N 3. P. 37–63. (In Russ.)

Chauvel L. La spirale du déclassement. Essai sur la société des illusions. P.: Seuil, 2016. 218 p.

Chauvel L. Le destin des générations: Structure sociale et cohortes en France du XX-e siècle aux années 2010. P.: PUF, 2002. 301 p.

Dossier: comprendre et réussir son expatriation. URL: <https://wallstreetenglish.fr/dossiers/dossier-comprendre-reussir-son-expatriation/fuite-cerveaux-en-france> (date of access: 2.12.2019).

Eyraud F., Iribarne d' A., Maurice M. Des entreprises face aux technologies flexibles: Une analyse de la dynamique du changement. Sociologie du travail. P., 1988. N 30 (1). P. 55–77.

Fonction publique: Chiffres-clés 2018 / Ministère de l'action et des comptes publics. URL: https://www.fonction-publique.gouv.fr/files/files/statistiques/chiffres_cles/pdf/Fiche_decideurs-2018.pdf (date of access: 12.07.2019).

Gauchet M. La France périphérique contre les élites. 2018. 09.03. (Les entretiens de CRE). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h8HeX5qXR0> (date of access: 12.07.2019).

Global Innovation Index 2018. World intellectual property organization [site]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf (date of access: 13.07.2019).

Guénaire M. Le modèle français à l'épreuve de la mondialisation // Note du Cas. 2005. N 1. Sept. P. 9–17.

Guilluy Ch. Interview. Radio RCJ. 2018 a. 20.11. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0_ZQ1tfR26o (date of access: 13.07.2019).

Guilluy Ch. La France périphérique: Comment on a sacrifié les classes populaires. P.: Flammarion, 2014. 185 p.

Guilluy Ch. Le crépuscule de la France d'en haut. P.: Flammarion, 2016. 272 p.

Guilluy Ch. No Society. La fin de la classe moyenne occidentale. P.: Flammarion, 2018 b. 240 p.

Kastel's M. Informacionnaja jepoha: Jekonomika, obshhestvo, kul'tura [Information era: Economy, society, culture.]. Moscow: GUVShE, 2000. 608 p. (In Russ.)

Klinov V.G. Sdvigi v mirovoj jekonomike v XXI v.: Problemy i perspektivy razvitija. Voprosy jekonomiki [Shifts in the world economy in the XXI century: Problems and prospects of development. Economic issues.]. 2017. N 7. P. 114–127. (In Russ.)

Klinova M.V. Razvitie promyshlennosti i chelovecheskogo kapitala vo Francii. Svet i teni «jery Makrona» [The development of industry and human capital in France. The light and shadow of the Macrone era] / Otv. red. V. Ja. Shvejcer. Moscow: IE RAN, 2019. P. 81–85. (In Russ.)

L'Observatoire des inégalités publie son premier rapport sur la pauvreté / Observatoire des inégalités. 2018. 11.10. URL: <https://www.inegalites.fr/L-Observatoire-des-inegalites-publie-son-premier-rapport-sur-la-pauvrete> (date of access: 5.08.2019).

La mondialisation a amené l'industrie française à se spécialiser sur ses points forts: Etude économique. P.: Ministère de l'économie et des finances, 2017. URL: https://www.entreprises.gouv.fr/files/files/directions_services/etudes-et-statistiques/4p-DGE/2017-10-4p-N76-Mondialisation.pdf (date of access: 5.08.2019).

- La préférence française. L'OBS.P., 2019. 21–27 Nov. N 2872. P. 16.
- Lapina N.Ju. Francuzskoe obshhestvo pered vyzovami globalizacii: Analiticheskij obzor [French society in the face of the challenges of globalization: Analytical review.]. Moscow: INION RAN, 2019. 50 p. (In Russ.)
- Lapina N.Ju. Izmenenie social'noj struktury francuzskogo obshhestva i problemy formirovanija klassovogo soznaniya: Nauchno-analiticheskij obzor [Changes in the social structure of French society and the problems of class consciousness formation: Scientific and analytical review]. Moscow: INION RAN, 1986. 56 p. (In Russ.)
- Lapina N.Ju. Novaja industrial'naja politika i poljusa konkurentosposobnosti vo Francii. Regional'noe razvitie i vyzovy globalizacii. Sb. obzorov i referatov [The new industrial policy and the poles of competitiveness in France. Regional development and the challenges of globalization. Collection of reviews and abstracts] / Sost. i otv. red. I.G. Zhivotovskaja, T.V. Chernomorova. Moscow: INION RAN, 2010. P. 16–43. (In Russ.)
- Lapina N.Yu. Frantsuzskoe obschestvo pered vyzovami globalizatsii: Analiticheskij obzor. M.: INION RAN, 2019. 50 p.
- Le Bras H., Todd E. Le Mystère français. P.: Seuil, 2013. 336 p.
- Le taux de chômage diminue de 0,3 points au quatrième trimestre 2018. INSEE. 14.02.2018. – URL: insee.fr/fr/statistiques/3713743 (date of access: 3.03.2019).
- Leroy M. Parole d'affranchi. P.: Le cherche Midi, 2011. 196 p.
- Mael Th. La jeunesse «périphérique» doute de ses chances. L'OBS.P., 2019. N 2872. 21–27 Nov. P. 14.
- Minc A. La mondialisation heureuse. P.: Plon, 1997. 260 p.
- Mondialisation et régulations. Europe et Japon face à la singularité américaine / Sous la dir. de R. Boyer, H.-F. Souyri. P.: La Découverte, 2001. 180 p.
- Mouhoud E.M. Il y a peu de relocalisations en France, car il y a peu de délocalisations: Entretien. Alternatives économiques. 2018. 23.07. URL: <https://www.alternatives-economiques.fr/y-a-de-relocalisations-france-y-a-de-delocalisation/00085625> (date of access: 12.07.2019).
- Obichkina E.O. Social'no-politicheskij krizis vo Francii: «Zheltye zhilet» i zavershenie «pervoj fazy» pravlenija Je. Makrona. Vestnik MGIMO-Universiteta [Socio-political crisis in France: «Yellow Vests» and the end of the «first phase» of E. Makron's rule. MGIMO-University Newsletter.]. 2019. N 2 (65). P. 101–135. (In Russ.)
- Piketty T. Vers une économie politique et historique. Reflexions sur le capital au XXI siècle. Annales. Histoire. Sciences sociales. P., 2015. N 1 (70). P. 125–138.
- Piketty Th. Le capital au XXIe siècle. P.: Le Seuil, 2013. 976 p.
- Recensement général de la population de 1982: Sondage au 1/4 France métropolitaine par catégorie de commune / Institut national de la statistique et des études économiques. P.: INSEE, 1985. 213 p.
- Reich R. Supercapitalisme. Le choc entre le système économique émergent et la démocratie. P.: Vuibert 2008. 288 p.
- Robin J.-P. Macron va-t-il réconcilier les Français avec la mondialisation? // Le Figaro. P., 2017. 27.06.
- Rouban L. Le paradoxe du macronisme. P.: Presses de Sciences Po, 2018. 180 p.
- Rubinskij Ju.I. Francija: mini- ili maxi-krizis? Svet i teni «Jery Makrona» [France: mini or maxi crisis? Lights and shadows of the Macrone Era] / Otv. red. V. Ja. Shvejcer. Moscow: IE RAN, 2019. P. 8–43. (In Russ.)
- Sapir J. La démondialisation. P.: Seuil, 2011. 272 p.
- Shkaratan O.I. Sociologija neravenstva. Teorija i real'nost' [Sociology of inequality. Theory and Reality]. Moscow: NIU VShE, 2011. 528 p. (In Russ.)

Une ambition pour 10 ans: Rapport de la commission pour la libération de la croissance française / Présidée par J. Attali. P.: Édition XO, 2010. 272 p.

Vercueil J. Les avatars de la mondialisation. Remarques sur quatre scénarios plausibles. Une mondialisation contrariée: L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / X. Richet, J. Vercueil (Dir.). P.: Harmattan, 2019. P. 15–32.

Verkěj Zh. Interv'ju / Vzjato N.Ju. Lapinoj [Interview / Taken by N.Yu. Lapina]. M., 2019. Apr. Arhiv avtora. (In Russ.)

Veselovskij S.Ja. Globalizacija i problema neravenstva dohodov v sovremennom mire: Analiticheskij obzor [Globalization and the problem of income inequality in today's world: Analytical review.]. Moscow: INION RAN, 2017. 184 p. (In Russ.)

Wajsbrot Sh. Le rythme des fermetures d'agences bancaires doit quadrupler en France. Les Echos. P., 2018. 15.04.